

Прычыну выкарыстання стылістычнага ўзмацнення можна патлумачыць наступным чынам: эмацыянальнае, экспрэсіўнае маўленне ўспрымаецца хутчэй, знаходзіць больш глыбокі эмацыянальны водгук, выклікае суперажыванне і можа лепш захавацца ў памяці.

5. Стылістычная нейтралізацыя – апушчэнне, «прыглушэнне» экспрэсіўнага, эмацыянальна-ацэначнага або функцыянальна-стылістычнага кампанента значэння арыгінальнай аўтарскай лексемы з заменай у перакладзе (табл. 5).

Табліца 5

Стылістычная нейтралізацыя аўтарскага новаўтварэння ў перакладзе

Беларускі арыгінал	Пераклад на рускую мову
<i>Цяжка было гарацешнаму люду: Многа паноў і падпанкаў нямала. Дралі і бралі з народа усюды, Тая драніна паноў і трымала.</i>	<i>Трудно жилось горемычному люду: Много панов, челядинцев немало. Драли и брали с народа повсюду, – На грабеже том всё панство стояло.</i>
У. Дубоўка [1, с. 7]	Перакл. У. Раждзественскага [2, с. 151]

Экспрэсіўнасць ужывання аўтарскіх лексем арыгінала ў перакладзе паслабляецца. Эквівалент падбіраецца з улікам кантэксту. Семантычныя асновы наватвораў перададзены дакладна, вынікам такога перакладу з’яўляецца адэкватны мастацкі вобраз і яго адэкватнае сэнсавае нападўненне. Пры гэтым характар арыгінальнага твора не парушаны перакладчыкам, захаваны ўсе асноўныя рысы яго зместавай і стылістычнай будовы.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Дубоўка У. Выбраныя творы у двух тамах. Т 1. Вершы. Мінск, 1965.
2. Дубовка В. Полесская рапсодия. Ленинград, 1967.
3. Дубоўка У. Пра нашу літаратурную мову : Думкі і нататкі // Узвышша. 1927. №2. С. 167–181.
4. Дубоўка У. Отражать – адбіваць – адлюстроўваць // Узвышша. 1927. №4. С. 88–93.
5. Куліковіч У. І. Лінгвістычныя погляды У. Дубоўкі : інтэрлінгвістычны, графіка-арфаграфічны і лексічны аспекты : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / У.І. Куліковіч. Мінск, 2002. 119 с.
6. Карабанова О. О. Переводческие трансформации как понятие и явление : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. Москва, 2000. 166 с.
7. Шакун Л. М. Словаўтварэнне. Мінск : Вышэйшая школа, 1978.

Мархелова Е. В. (Мінск)

Нравственно-философское осмысление добра и зла в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба»

Роман «Жизнь и судьба», вторая часть «военной» эпопеи В. Гроссмана – произведение в своем роде уникальное. По мнению

большинства литературоведов, «Жизнь и судьба» в художественном отношении превосходит роман «За правое дело» – первую часть дилогии, и поэтому заключительное произведение часто изучают как отдельную, самостоятельную книгу. В. Гроссман в своей дилогии продолжает литературные традиции Л. Толстого, неслучайно роман «Жизнь и судьба» называют «“Войной и миром” XX в.». Действие происходит в 1942 году, и непростые судьбы персонажей представлены на фоне масштабного, эпического события – обороны Сталинграда, переломного этапа Великой Отечественной войны.

Большое внимание В. Гроссман в романе уделяет теме сталинских репрессий, он (едва ли не впервые в литературе) проводит параллель между сталинизмом и нацизмом. Так, в одной из ключевых сцен немецкий офицер Лисс во время приватной беседы с немолодым русским коммунистом Мостовским, узником концлагеря, полусерьезно-полуиронично называет того учителем и произносит следующие слова: «Поверьте, те, кто на нас смотрит с ужасом – и на вас смотрит с ужасом» [1, с. 303]. Произведение с такими рискованными сравнениями цензура не могла пропустить даже в относительно либеральный период хрущевской «оттепели», и на Западе роман «Жизнь и судьба» был опубликован раньше, чем в Союзе. В СССР роман был опубликован только в 1980 году, через 16 лет после смерти писателя. Российским читателям главная книга В. Гроссмана стала доступна только при перестройке.

Начинается роман описанием раннего утра в одном из барачных немецкого концлагеря. Между двумя узниками завязывается спор о сущности добра, и оппонентом большевика Мостовского выступает бывший толстовец Иконников – «странный, неопределенного возраста человек, которого русские заключенные считали юродивым и относились к нему с брезгливой жалостью» [1, с. 21], этот узник с непростой биографией был непонятен военнопленным. Почти все его предки были священниками, только представители последнего поколения рода Иконниковых получили светское образование. До революции герой воспитывался в атмосфере высочайшей нравственной культуры. Иконников ушел с последнего курса университета, чтобы служить народным учителем в деревне, где он провел около восьми лет, затем стал слесарем на пароходе и много путешествовал по миру. Вернувшись после революции в Россию, Иконников вступил в крестьянскую земледельческую коммуну. События коллективизации произвели неизгладимое впечатление на толстовца-идеалиста, он начинает проповедовать Евангелие. Иконникова арестовали, но выяснилось, что тот, наблюдая за массовыми бедствиями,

повредился в уме, и вместо лагеря герой попадает в лечебницу. Освободившись, Иконников поселился у старшего брата-профессора, устроился на службу в библиотеку, но его мирное, размеренное существование не могло вытравить сильных воспоминаний о людском горе. Во время войны Иконников «вновь впал в какое-то истерическое состояние» [1, с. 23], пытался спасти еврейских женщин и детей от фашистов, но по чьему-то доносу попал в концентрационный лагерь, «каким-то чудом избежав виселицы» [1, с. 23]. В лагере Мостовской – один из немногих и наиболее частых собеседников Иконникова. Старый коммунист, харизматичный человек, ставший в бараке негласным лидером, относился к Иконникову иронично, но находит определенный интерес к дискуссиям с ним. Так, Мостовскому Иконников признается, что после наблюдения казни двадцати тысяч евреев перестал верить в Бога. Рассуждения бывшего толстовца о морали большевик считает странными: «Там, где есть насилие, – объяснял Иконников Мостовскому, – царит горе и льется кровь. Я видел великие страдания крестьянства, а коллективизация шла во имя добра. Я не верю в добро, я верю в доброту» [1, с. 23].

Добро, в представлении Иконникова – это грозная, разрушительная сила, зачастую тождественная злу. Под знаком добра во все времена религиозные и политические организации казнили множество людей, несогласных с их идеологией. Герой убежден, что общечеловеческого, универсального, надклассового добра не существует; то, что хорошо для одного, может быть в равной степени плохо для другого. Большевики-ленинцы, сталинисты, фашисты верят, что высокая (в их понимании) цель оправдывает жестокие средства. «Добро», принудительно насаждаемое той или иной политической партией, агрессивное – реального счастья людям не приносит, по своей сути оно и есть замаскированное зло. Высшая нравственная ценность – это не большое, пафосное, инквизиторско-революционное «добро», а скромная, чистая доброта отдельного человека к другому человеку. Добро абстрактно, а доброта конкретна. И хотя случаи такой доброты нечасты в сравнении с проявлениями явного или замаскированного зла, только в ней Иконников видит надежду на спасение человечества в эпоху катастроф: «Вред, изредка творимый обществу, классу, расе, государству бессмысленной добротой, меркнет в свете, который исходит от людей, наделенных ею. Она... высшее, чего достиг дух человека. Жизнь не есть зло – говорит она. Она инстинктивна, она слепа. В тот час, когда христианство облекло ее в учение отцов церкви, она стала меркнуть, зерно обратилось в шелуху. Она проста, как жизнь. Даже проповедь Иисуса лишила ее силы, – сила ее в немоте человеческого

сердца» [1, с. 310–311]. Все свои мысли на эту тему Иконников записывает на бумагу, и его сочинение попадает в руки эсэсовца Лисса.

На протяжении романа мы неоднократно встречаем примеры бескорыстной, «бессмысленной», по выражению Иконникова, доброты. Одинокая еврейка Софья Левинтон, врач, женщина грубоватая, до последней минуты с нежностью матери заботится о чужом ребенке Давиде на пути в газовую камеру. Пожилая крестьянка, наблюдающая за тем, как военнопленные немцы выносят из подвала гестапо трупы советских людей, ужасается мертвому телу красивой девочки-подростка. Готовая ударить немца кирпичом, она в последний момент с резкими словами протягивает избитому немецкому офицеру кусок хлеба. Женя Шапошникова осуждает своего мужа, красного комиссара Крымова, за жестокость к репрессированным и покидает его, но возвращается, когда самого Крымова арестовывают. Героиня отказывается от возможного счастья с симпатичным ей полковником Новиковым, и из чувства долга возвращается к почти не любимому, но все еще любящему ее Крымову. В похожей ситуации оказывается Марья Соколова. Она так же решает разорвать отношения с любимым человеком и не покидать в трудную минуту больного мужа, сохранив при этом две семьи. Ученый Виктор Штрум в условиях антисемитизма ходатайствует за талантливых сотрудников-евреев, несмотря на собственное нестабильное положение в институте. Новиков, беспокоясь о физическом состоянии солдат, не спавших несколько ночей, задерживает танковое наступление, зная, что его поступок вышестоящие чины могут расценить как намеренный саботаж. Греков, командующий военным батальоном, отправляет молодых влюбленных вдвоем до здания штаба. Немецкий комендант отпускает на волю полуживого от голода красноармейца, зная, что его выйдут в ближайшей деревне. Красноармеец Семенов, поддерживавший политику коллективизации, находит приют в доме старухи Христи, чей муж погиб во время украинского голодомора. Наконец, сам Иконников ценою жизни отказывается принимать участие в построении прилагерного крематория.

Таким образом, носителями подлинной человечности в романе оказываются отдельные люди вне принадлежности к той или иной политической партии, конфессии или нации. Им противопоставляются идейные коммунисты, носители обезличенного сурового «добра». Среди основных героев романа их три: Михаил Мостовской, Анатолий Абарчук и Николай Крымов. Эти персонажи представляют собой революционное поколение 1920-х годов. Судьба каждого драматична: упоминаемый нами Мостовской переживает немецкий плен, Абарчук

во время партийных чисток тридцать седьмого года попадает на Колыму, а Крымов стал жертвой доноса и тоже должен отправиться по приговору суда в один из лагерей ГУЛАГа. Судьбы и характеры этих героев и схожи, и различны. Старые большевики в годы сталинской власти оказались лишними, неугодными людьми, «пасынками времени», по выражению Крымова; и с новым положением ни один не может примириться, каждый по-прежнему готов служить партии, будучи отвергнутым. Так, Мостовской с испугом и отвращением слушает размышления Лисса о сходстве сталинской и нацистской идеологий, для него эта правда страшна. Закоснелый фанатик Абарчук морально ослеплен, даже последний разговор с умирающим наставником не заставляет его осознать и признать ошибочность партийной линии, вместо этого Абарчук бросает в лицо старому товарищу жестокие слова. Бывший коминтерновец Крымов, близко знавший элиту ленинской гвардии, впоследствии уничтоженную, тоже пытается искать оправдания системе, ненавидя проявления сталинщины, он в самом Сталине находит черты, достойные уважения, и продолжает верить в идеальный коммунизм. Но в тяжелых жизненных обстоятельствах все эти герои, некогда отважные и решительные, становятся морально слабыми без той самой скромной доброты и человечности, которую сердито высмеивает Мостовской. Примечательно, что коммунист и нацист одинаково, с раздраженной брезгливостью, отреагировали на записки Иконникова. Писатель почти не осуждает персонажей – опальных коммунистов, ведь они тоже в некоторой степени являются жертвами. Идейным борцам, в свою очередь, противопоставлены сталинисты – палачи революционеров. «И вот честный, порядочный Крымов решил съесть Грекова, написал донос на него, а подлые, ничтожные карьеристы съели Крымова. Но таково наше родное безумие, что еретик Греков погибает как герой, ему воздают должное, а ортодоксу Крымову суждена бессмысленная мучительная смерть в застенке» [2], – пишет С. Липкин, близкий друг В. Гроссмана, об одном из самых интересных персонажей. На протяжении романа можно неоднократно заметить, что В. Гроссман, осуждая преступления коммунизма, явно сочувствует красному комиссару Николаю Крымову. При всей своей внешней жесткости и непримиримости Крымов, в отличие от того же Абарчука, не ставит дело Ленина выше простых, искренних человеческих чувств, неслучайно Женя Шапошникова долго колеблется в решении оставить бывшего мужа ради Новикова. В бериевских застенках моральный дух Крымова поддерживает любовь к жене и вера в ее непричастность к доносу. В итоге лучшие чувства героя были вознаграждены, Женя возвращается к мужу.

В своем трактате Иконников пишет, что усомнился в реальной силе доброты: «Что пользы в ней, она не заразительна. Я подумал – она бессильна, прекрасна и бессильна, как роса. Как превратить ее в силу, не иссушив, не растеряв ее, как иссушила и растеряла ее церковь. Доброта сильна, пока бессильна! Едва человек хочет превратить ее в силу, она теряет себя, меркнет, тускнеет, исчезает. Так, потеряв веру найти добро в Боге, в природе, я стал терять веру и в доброту. Но чем шире, больше открывалась мне тьма фашизма, тем ясней видел я, – человеческое неистребимо продолжает существовать в людях на краю кровавой глины, у входа в газовню. Я закалил свою веру в аду. Моя вера вышла из огня кремационных печей, прошла через бетон газобен. Я увидел, что не человек бессилён в борьбе со злом, я увидел, что могучее зло бессильно в борьбе с человеком. В бессилии бессмысленной доброты тайна ее бессмертия. Она непобедима. Чем глупей, чем бессмысленней, чем беспомощней она, тем огромней она. Зло бессильно перед ней! Пророки, вероучители, реформаторы, лидеры, вожди бессильны перед ней. Она – слепая и немая любовь – смысл человека» [1, с. 310–311]. Пример Жени Шапошниковой подтверждает мысли Иконникова. Нужно было обладать большим мужеством, чтобы остаться верным своим репрессированным близким в годы, когда связь с «врагами народа» была чревата многочисленными затруднениями для вольных граждан.

Вечная тема нравственности, отсылающая к многовековым философским вопросам, делает роман В. Гроссмана актуальным во все времена, несмотря на его привязанность к конкретными историческим событиям.

Библиографические ссылки

1. Гроссман В. С. Жизнь и судьба. Минск : Выш. шк., 1990. 672 с.
2. Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана [Электронный ресурс] // Режим доступа : https://www.e-reading.club/bookreader.php/34404/Lipkin_-_Zhizn%27_i_sud%27ba_Vasiliya_Grossmana.html. Дата доступа : 18.03.2019.

Мелех Е. А. (Минск) Фридрихсхагенский круг поэтов как литературное «младодвижение»

Немецкий литературный процесс конца XIX – начала XX в. характеризуется разнообразием стилей, причудливым сочетанием новых и старых течений, вызванных переходом от бюргерского реализма эпохи Реставрации к начальной стадии классического модернизма. Завершающей стадией натурализма в немецкой литературе принято считать литературную группировку Фридрихсхагенский круг поэтов [2,